

*Голубович И.В.,
доктор философских наук,
доцент философского факультета
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

«КОНЕЦ ИСТОРИИ» И «КОНЕЦ ПРОГРЕССА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ «УТОПИЧЕСКОГО СОБЛАЗНА»: АРГУМЕНТЫ И КОНТРАРГУМЕНТЫ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается подход к соотношению идей «конец истории» и «конец прогресса», представленный в программной работе Г. Флоровского «Метафизические предпосылки утопизма». Данная проблема анализируется православным мыслителем в свете христианского историзма и христианского персонализма.

Ключевые слова: «конец истории», «конец прогресса», утопизм, христианский персонализм, христианский историзм.

В спорах и дискуссиях о «конце истории» — бесконечных и не утихающих в пределах самой истории, — существует огромное разнообразие тематических поворотов, траекторий, перекрестков. Один из них соединяет «конец истории» и «конец прогресса». Эта тема глубоко волновала одного из ярчайших православных мыслителей XX столетия Г.В. Флоровского. Именно его взгляд на проблему «конца истории и конца прогресса» станет предметом нашего рассмотрения.

Мы остановимся лишь на одной статье мыслителя — «Метафизические предпосылки утопизма», опубликованной в 1926 году в знаменитом эмигрантском журнале «Путь» в Париже [1]. На его родине, если учесть представление самого Г.В. Флоровского об Отечестве, эта работа была опубликована на 64 года позже в журнале «Вопросы философии» с предисловием В.В. Сербиненко, содержащим ряд фактологических неточностей. Оно, пожалуй, впервые знакомило широкого читателя с пока еще новым для него именем [2, 3]. Подчеркнем, что именно с «Метафизических предпосылок утопизма» началось для многих серьезное знакомство с многогранным творчеством одного из самых выдающихся представителей православной религиозно-философской мысли XX столетия.

Мне бы хотелось очертить контекст собственного обращения к Г.В. Флоровскому и выбора для анализа именно этой работы. Так случилось, что Георгий Васильевич стал для меня, выпускницы исторического факультета Одесского государственного университета, поступившей в

философскую аспирантуру, первым философом, с трудами и идеями которого я знакомилась не эпизодически, по случаю, а систематически. Выпускник моей родной альма-матер — историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета, существенно изменившегося, правда, с 1916 года, о котором, несмотря на его мировую известность, мы в 80-е годы XX в. никогда не слышали от наших преподавателей, — он оказался лично для меня великолепным проводником и даже поводом. Именно с ним я шла от «истории» к «философии истории», которая у него, безусловно, была «историософией». И путь этот начинался именно с «Метафизических предпосылок утопизма».

Этот автобиографический экскурс оправдан и самим подходом Г.В. Флоровского, который неоднократно, в том числе и в «Метафизических предпосылках...», подчеркивал мысль об автобиографичности мировоззрения: «И в некотором смысле всякое мировоззрение есть автобиографическое повествование, рассказ и отчет об увиденном и услышанном — описание пережитого опыта. Но было бы превратно понимать этот опыт психологически и субъективно. Опыт есть реальное предметное касание, «выхожение из себя», встреча, общение и сожительство с «другим», с «не-я» [2, 80].

Действительно, Г.В. Флоровский может «вывести» историка на путь философии, философии истории и историософии. Мое глубокое убеждение — он способен стать блестящим проводником и для философа, начинающего свой творческий маршрут от теоретической «идеи истории» к ее живой плотной, извилистой, неровной текстуре. И этим также, наряду с другими резонами, было продиктовано мое собственное участие в создании Центра имени Г.В. Флоровского именно на философском факультете Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. В отличие от моего истфаковского студенческого прошлого, когда имена Антония и Георгия Флоровских почти не упоминались, на философском факультете о Георгии Флоровском студенты узнают с

самого первого курса, участвуют в ежегодной Всеукраинской студенческой конференции имени Г.В. Флоровского, а лучшие из лучших получают именную студенческую стипендию. Однако, нередко, труды и идеи мыслителя остаются на обочине «main stream» — интересов студентов, аспирантов, да и самих преподавателей. Между тем, Г.В. Флоровский удивительно и парадоксально современен, а проблемы, которые он ставил, как раз и находятся в зоне предельно актуального и созвучного западному «main stream» философского вопрошания. Правда здесь стоит сделать оговорку о созвучности исключительно вопрошания, а не ответов, которые дает православный мыслитель, ориентирующийся на святотеческую традицию и сознательно дистанцирующийся от западных моделей мысли.

Это как раз и касается «конца истории» и «конца прогресса». Для моих современников и соотечественников данная тема прозвучала как интеллектуальная сенсация в интерпретации американского политического мыслителя японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы, прочитавших в том же 1990 году, в том же журнале «Вопросы философии» статью «Конец истории?» [4]. И именно в этой постановке проблема «конца истории» и «конца прогресса» как раз и стала «main stream», превратилась в интеллектуальную моду. А глубокие идеи Г.В. Флоровского на ту же тему, проникнутые духом христианского историзма и персонализма, выраженные ярко, афористично и в хорошем смысле публицистично, были замечены лишь достаточно узким кругом исследователей. В том ли все дело, что Фукуяма формулировал свои пост-исторические прогнозы в конце 80-х, а Г. Флоровский — в середине 20-х? Не уверена. Причина, как мне представляется, глубже. Однако, в мои задачи не входит даже минимальный сравнительный анализ двух версий «конца истории» и «конца прогресса». Эта работа потребовала бы определенной схематизации того и другого текста, мне же в рамках данной публикации хотелось бы внимательно вчитаться в некоторые пассажи «Метафизических предпосылок...», не редуцируя их к тем или иным схемам. Хотя задачу сравнения подхода Г. Флоровского и Ф. Фукуямы я ставлю перед своими студентами, на разных факультетах изучающими в рамках общего курса философии тему «Философия истории». С некоторых пор в список обязательных текстов я включила «Метафизические предпосылки утопизма» и «Конец истории». А конкретный повод для этого — еще один контекст настоящей статьи.

Однажды на обычном плановом семинарском занятии по философии, студентка экономического

отделения неожиданно и, казалось, невпопад сказала: «А мне страшно, я не могу спать по ночам. Я боюсь 2012 года, боюсь конца света». И мы переключились на тему апокалиптических и эсхатологических ожиданий, которыми переполнена история. И выяснилось, что студенты-не гуманитарии об этом «вечном кошмаре» исторического сознания ничего не знают и впервые переживают «феномен 2012» как беспрецедентное событие. После того, как нам совместно удалось, смею надеяться, хоть немного снять налет сенсационности с этого события, захотелось всерьез поговорить и других траекториях «конца истории». Выбор пал на близкого экономистам Ф. Фукуяму и на Г. Флоровского — уже благодаря личным преподавательским пристрастиям и желанию познакомить студентов с одним из самых известных выпускников Одесского (Новороссийского) национального университета.

Теперь обратимся непосредственно к статье «Метафизические предпосылки утопизма». В рамках данной публикации мы сосредоточим внимание на связи, которую устанавливает Г.В. Флоровский между основаниями утопизма как «многоэтажного духовного здания» и такими его этажами как идея конца прогресса и бесконечности истории. Работа об утопизме писалась в той исторической ситуации, когда вместе с падением Российской империи для одних осуществлялась, а для других — рухнула «утопия земного рая». Последним казалось, что с революцией 1917 года не только разрушилась целая система жизни и духовный уклад, но и был окончательно преодолен сам утопический дух, наступило последнее и окончательное крушение общественного утопизма. От этой иллюзии, которую разделяли многие, и предостерегает Г. Флоровский. Лично для него обращение к этой теме имело еще один повод. Не так давно он сам окончательно разошелся с евразийским движением, к основанию которого был сам и причастен. Напомню, Г.В. Флоровский был одним из «четырех молодых интеллектуалов из России» [5, 6] — авторов первого евразийского сборника «Исход к Востоку», вышедшего в 1921 году. Кроме Г.В. Флоровского, это были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и П.П. Сувчинский. Флоровский имел возможность лично убедиться в силе утопического соблазна, кардинально изменившего исходные посылки евразийства. Эта трансформация, произошедшая с его друзьями и на определенном этапе единомышленниками, заставила православного мыслителя открыто разорвать с движением, причастность к которому преследовала его как тень. Преследовала вплоть до публикации в 1928 году статьи «Евразийский соблазн» [7]. Евразийская тема в жизни и творчестве

Флоровського нуждается в спеціальному аналізі, здійснити який в достатньо повному обсязі дослідникам ще предстоит. Ми ж фіксуємо лише гостроту проблеми «утопічного соблазна» для нашого героя.

В статті «Метафізическі передумови утопізму» утверджується, що утопізм являється постійним і неизбівним соблазном людської думки, причому самої трезвої і послідовної, але прийнявши деякі вихідні основоположення і опираючись на певний «утопічний досвід». Завдання автора — сліди за шаром розкрити «аксіоматический фонд» утопізму і обнажити «інтимні передумови» багатопланового духовного будівництва, найвищим поверхневим шаром якого є суспільний утопізм. Під ним автор пропонує розуміти «всюку віру в можливість останніх слів, в можливість імманентної історическої удачі, остаточної і межової... Тут характерна саме ця віра в можливість остаточного здійснення в межах історії» [2, 83].

Аксіоматический фонд утопізму складають наступні позиції:

1. *«Етический натуралізм»* — принципове порівняння цінності і факта. Формальна віра в емпірическу досяжність «совершенства» в соціокультурному будівництві, можливість повного зникнення протилежності «повинного» і «дійствительного», утвердження можливості «ідеалу» як стану естесвенного історического світу. Ідеал предстает при такому підході як «будущий факт», а категорический імператив перетворюється в історическе передбачення. Обґрунтовується і приймається все походять, випадає категорія «цінності» як самозначимого початку. Коренний изъян етического натуралізму — він не бачить і не відчуває, що втілений ідеал відмінить і дозріє емпірическу дійствительність. Походить отождествлення хронологическої послідовності і оціночної ієрархії: кожна пізніша історическа ступінь в силу одного тільки хронологического розваження признається за ступінь вищу.

2. *«Інституціоналізм»* — своєобразна віра в незалежний і самодовольний характер соціальних форм і установ, культ «обожествленої організації». Все увага зосереджено на організаційному типі. Ідеальна життя — це, перш за все, «ідеальний будинок» як одна з різноманітностей можливого емпірического будови. Новий совершенний порядок майбутнього людини охопить стільки ж ізвне, примусово і неотразимо, як нинішній несовершенний порядок.

3. *Постулат всецелой раціоналізованості суспільної життя.* Вся повнота суспільних відносин априорно признається доступною висчерпуючої кодифікації, здійснюється орієнтація на єдині норми «розуму». Між кодексом і життям ставиться знак рівності, в пориві «конструктивного уявлення» думка переважає ідеальний предмет, а визначальним описанням ідеального будови стає для утопічного свідомості поняття «конституція». Совершенное суспільство повинно воцариться як водворення некоего єдиногообразного, «розумного» і «естесвенного» будови.

4. *Віра в «кінець прогресу» і історическа телеологія.* Це одна з фундаментальних установок суспільного утопізму. Г.В. Флоровський підкреслює, що розмова йде саме про кінець прогресу, а не історического процесу як такого. «На безкінечній лінії часу допускається існування некоей особливої або критическої точки, в якій «предісторія» сменяється «історією» [2, 86], точки «скачка з царства необхідності в царство свободи», досягнення стану ідеального будови. «Історія» довше «прогресу» — це хронологический діагноз і оцінка різноманітності двох часових відрізків. Дается і «хронотопіческа» оцінка переходу від «предісторії — прогресу» до «історії»: спочатку крива піднімається, а за підйомом слідує нескінченне або необозриме плато. Поваження вказаного скачка — центральний момент телеології утопізму. Їм обґрунтовується суспільно-історический прогрес, їм він наділяється змістом. «Якщо б з досягненням совершенства кончався найісторический процес, *погасло б саме час*, тоді з утопіческої точки зору життя втратила б всякий зміст. Історія отримала б характер безплідного і бессмысленного збирання нікому не потрібних і тому мнимих цінностей» [2, 86].

Історія совершується ради ідеалу як факта досяжимого майбутнього, як імманентної цілі всього часового течення. Ідеал як факт співвіднесений в утопіческому проекті не тільки з майбутнім, він «розподілений» по всій «стрілі» історического часу. В співвіднесенні з її джерелом ідеал предстает як передзадані, вроджені завдання, некое «зерно», ждущее свого дозрівання. По всій довжині «стріли часу», кожна спочатку на стадії прогресу направлена по кривій вгору, ідеал, умовно говорячи, десубстанціалізується, предстает як процес. Ідеал тут не стільки «зерно», «факт», «ціль», стільки розвиток, розвертывание, проростання, дозрівання, преформирование, «круг послідовних перетворень по шляху до закінченню, як би «дорослому»

состоянию» [2, 87]. Показана и ритмика этого процесса: «...осуществление протекает в целесообразном ритме, чрез внутренне обоснованные этапы» [Там же]. «Целесообразность ритма», внутренняя обоснованность поэтапного процесса, всеобщая историческая необходимость — характеристики телеологического самоосуществления некоего «плана» или «энтелехии» и одновременно черты «логического провиденциализма» как одного из метафизических оснований утопизма как типа общественного сознания. Историческая необходимость оправдывает и «злострадание жизни» и мир в целом во всем его строе. В своей «телеологической слаженности» этот эмпирический мир оказывается лучшим из миров.

5. *Антииндивидуалистический уклон.* Г.В. Флоровский подчеркивает, что основанием и опорой этого уклона становится историческая телеология, охарактеризованная нами выше. «Оправдывается именно мир, не человек, история в целом, но не личная жизнь. Напротив, личность превращается в орган или элемент мировой сущности («органный шифтик»), жертвоприносится целому... Человек — родовой человек — включается в природу, и общественный идеал вырастает до космических размеров» [2, 87]. «Космической одержимостью», «натурализацией человека», «органическим мироощущением» назвал мыслитель эту базовую черту «утопического самочувствия», рассматривая разные ее грани. Он пишет об «утопическом человеке», сознающем призрачность и ничтожество «частной жизни» перед лицом исторической телеологии как своеобразного выражения «вселенского чувства». Историческая телеология здесь предстает как исторический автоматизм. Г. Флоровский подчеркивает, что индивидуальное существование в утопическом сознании отнюдь не лишается смысла и предназначения, однако это назначение — служебное. «Особь не имеет субстанциальной устойчивости, их бытие — эвентуально, на случай. ...ни один когда-либо прозвучавший звук не теряется бесследно, но в качестве обертона вплетается в непрестанно льющуюся, текучую космическую мелодию, обогащая ее» [2, 89]. Флоровский ссылается на мысль французского философа Шарля Ренувье, который указывал, что теория прогресса есть в сущности одна из разновидностей догмата о непреодолимой благодати, о «насилии благодати», — продолжает далее сам Флоровский.

Не стоит думать, что Г.В. Флоровский рассматривает утопизм только лишь в негативе — как «яд», «соблазн». По его мнению, есть своя «прикровенная правда» в аксиоматическом фонде утопизма, почти в каждой из его позиций. Так за «этическим натурализмом» скрывается

«смутный, но правдивый» инстинкт волевого, действенного этоса, «тлеющим светом» брезжит верная мысль о действенности добра как силы» [2, 85]. В ориентации на нормативность и конструирующую роль разума смутно проявляется верное сознание безусловной категоричности оценочных норм, искаженное, однако, их гипостазированием, отрывом от живого нравственного сознания. В объективировании идеальных целей истории также есть глубокая и непреложная правда. Ведь «задание» истории состоит в реальном преодолении несовершенства, в реальном и онтологическом искуплении, перерождении и преобразении, а не в пустом упразднении всего земного. Ложь органического историзма не в таком «реализме», а в снятии грани между природой и историей. Есть истинные интуиции и в свойственном утопическому сознанию замысле «онтологического всеединства». В стремлении понять все бытие как ценность и благо сказывается, согласно позиции Г. Флоровского, подлинный религиозный инстинкт. Но ложным оказывается стремление свести все к началу рока и необходимости. «Из деятеля и творца, сознательно волящего и избирающего, а потому несущего риск и ответственность за свое самоопределение, человек превращается в вещь и иглу, которой кто-то что-то шьет» [2, 91]. В утопическом сознании реализуется принцип, который мы бы обозначили «где спасение, там и опасность», но симметричен ли этот принцип: «где опасность, там и спасение?».

Здесь мы возвращаемся к началу статьи, которая кажется, на первый взгляд, слишком отдаленным подходом к теме оснований общественного утопизма. Речь в начале идет об индивидуально-личностном мироощущении, о «мировоззрительном исповедании человека». Не человечества, а живой, ищущей личности, которая и является творцом всякого мыслительного построения. Г. Флоровский особо подчеркивает, что человек — «творец» мировоззрения — отнюдь не «строит», не «порождает» свой мир, а «находит» его, «избирает для своего обитания». «Мир дается, открывается познающему субъекту. Но дается он не с однозначной, принудительной, поработавшей необходимостью. Мы должны как бы откликаться на предметные зовы, и в открывающемся творчески и ответственно разбираться, совершать отбор... В этом первичном самоопределении — метафизический корень личности, живое средоточие ее бытия» [2, 80]. Мы уже указывали, что Флоровский отмечает автобиографический характер любого мировоззрения. Однако, по его глубокому убеждению, мировоззрительное исповедание — это не столько автопортрет или рассказ о самом себе, сколько описание «возлюбленных человеком сокровищ»,

событий встречи с миром, исполнений смысла, указаний на «предметность опыта». Последнее — отнюдь не метафора, а одно из самых значимых понятий в концепции Г.В. Флоровского, заслуживающее отдельного разговора. Отметим важные для мыслителя дихотомические пары: опыт Истины — опыт лжи, предметность благая — предметность злая, опыт «мира сего», опыт плоти и крови — благодатный опыт, опыт «в Духе». В этом контексте утопическое сознание — это не просто отражение тех или иных объективно-исторических событий и тенденций, а разнокачественный разно-предметный опыт. Сама же «предметность» понимается почти в строго феноменологической установке конституирования смыслообразований: «История показывается наблюдателю в меру его зоркости, — он видит в ней то, что он сам в силах в нее внести. И свободнорожденный увидит в ней великие дела, услышит героическую и творческую поэму. Раб усмотрит только «систему тончайших принуждений», «каменную стенку», и герои покажутся ему одураченными поденщиками, разыгрывающими «провиденциальную шарadu» [2, 88]. Быть рабом или свободнорожденным — зависит от типа опыта, которым совершается самоопределение человека в мире. Выбрать опыт свободы в столкновении с опытом принуждения, пусть даже самого тончайшего и изощренного, такого как утопизм, — осуществить «преображение, пресуществление опыта», совершить «подвиг». А это значит — отказаться от «планового» преобразования мира, подчиненного рационально-рассудочным построениям. Словом подвиг, творческий подвиг подчеркивается также и негарантированность такого преобразования — оно хоть и является «заданием», не предзадано, в истории его может и не произойти. Ведь есть опасность «псевдоморфоз», о которых также размышлял Г. Флоровский. В этом возможность трагедии личности и трагедии самой истории, трагизм и тайна свободы. Так «смысл жизни» совмещается со «смыслом истории», подчеркивается изоморфность, синергичность индивидуального человеческого существования и исторического бытия народов и человечества в целом. Формулируется парадоксальное, на первый взгляд, определение истории: «История есть подвижный интеграл от неопределенного множества индивидуальных творческих подвигов, порывов, тоски...» [2, 95].

Так христианский персонализм соединен с христианским историзмом. В этом синтезе — одна из важнейших составляющих «неопатристического синтеза», того направления, к которому относят Г. Флоровского [см.: 8, 9, 10, 11]. О нем говорят также в контексте синергичной антропологии [12].

Однако почему же в одной из многочисленных публикаций последнего времени о Г.В. Флоровском он назван «непрочитанным мыслителем»? [13] Предлагаю собственную версию в контексте настоящей публикации. Итак, в одном и том же году, в одном и том же журнале выходит две версии идеи «конец истории — конец прогресса» — Г. Флоровского и Ф. Фукуямы. Вторая — стала очень популярной, ее разобрали буквально по косточкам, а первая — осталась почти не замеченной. Может быть в силу свойственной тому времени иллюзии окончательного преодоления утопического соблазна и, следовательно, исчерпанности темы. Ведь мы находились в ситуации изоморфной той, которую переживал Г.В. Флоровский. «Метафизические предпосылки утопизма» прочитаны нами плохо, по верхам: ну вот и избавились от утопизма тем, что согласились с идеей: утопический соблазн — наш вечный спутник. Поняв это, мы приручили его — а, значит, победили, и дело с концом. Затем мы вплели сведенные, казалось бы, счеты с утопизмом в дискурс «смерти человека» — борьбы с «утопией человека», после чего он предстал как историчный, контекстуальный, поверхностный эффект. И мы не заметили или не оценили «благой вести», которую вместе с критикой метафизических оснований утопизма, возвестил представитель христианского персонализма: даже в предчувствии «конца истории» есть благой опыт свободы и Истины, есть возможность индивидуального творческого подвига и принятия преизбыточных даров Духа, есть место «умному деланию» и ответственному поступку, а значит — есть место Человеку...

Литература:

1. Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма / Г. В. Флоровский // Путь. — № 4, июнь-июль. — С. 27-53.
2. Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма / Г. В. Флоровский // Вопросы философии. — 1990. — № 10. — С. 80—98.
3. Сербиненко В. В. Предисловие к публикации / В. В. Сербиненко // Вопросы философии. — 1990. — № 10. — С. 78-79.
4. Фукуяма Ф. Конец истории? : пер. с англ. А. А. Яковлева / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 134-155.
5. Riasanovsky N. The Emergence of Eurasianism / N. Riasanovsky // California Slavic Studies. Vol. IV. — 1967. — P. 39.
6. Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия : пер. с англ. Д. Ханова / Э. Блейн // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. — М. : Прогресс — Культура, 1993. — С. 7-240. — С. 30.
7. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн / Г. В. Флоровский // Современные записки. — 1928. — № 34. — С. 312—346
8. Уильямс Дж. Неопатристический синтез Георгия Флоровского / Дж. Уильямс // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю. П. Сенокосова. — М. : Прогресс — Культура, 1005 — С. 307-367.

9. Хоружий С. Русская философия и неопатристический синтез / С. Хоружий // Вопросы философии. — 1994. — № 5. — С.75-88.

10. Даренская В. Н. Концепция христианского историзма Г. В. Флоровского / В. Н. Даренская // Актуальні питання творчої спадщини Г. В. Флоровського // Е. І. Мартинюк (гол. ред.). — Одеса : Фенікс, 2009. — С. 35-49.

11. Петриковская Е. С. Человек в философской и богословской рефлексии XX столетия: антропологическая тема в творчестве Г. В. Флоровского / Е. С. Петриковская // Актуальні питання творчої спадщини Г. В. Флоровського ; гол. ред. Е. І. Мартинюк. — Одеса : Фенікс, 2009. — С. 167-196.

12. Хоружий С. С. Очерки синергийной антропологии / С. С. Хоружий. — М. : Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2005. — 408 с.

13. Бычков С. С. Непрочитанный мыслитель / С. С. Бычков // Путь. — 1994. — № 6.

Голубович І.В. «Кінець історії» і «кінець прогресу» крізь призму «утопічної спокуси»: аргументи та контраргументи Георгія Флоровського. — Стаття.

Анотація. В статті розглядається підхід до співвідношення ідей «кінець історії» та «кінець прогресу», що представлений у програмній роботі Г. Флоровського «Метафізичні передумови утопізму». Ця проблема аналізується православним мислителем у світлі християнського історизму та християнського персоналізму.

Ключові слова: «кінець історії», «кінець прогресу», утопізм, християнський історизм, християнський персоналізм.

Golubovuch I.V. «The End of the History» and «The End of the Progress» through the Prism of «Utopian Temptation»: Arguments and Counter-arguments of Georgy Florovsky. — Article.

Summary. The article covers the approach of Georgy Florovsky to the ideas of «the End of History» and «the End of Progress» represented in his principal work «Metaphysical premises of the utopianism». Georgy Florovsky as an orthodox thinker analyzed this problem from point of view of the Christian historicism and Christian personalism.

Key words: «the end of history», «the end of progress», utopianism, Christian historicism, Christian personalism.